18+

Ольга Трушкова

От истока до устья

Повесть и рассказы

Ольга Трушкова

От истока до устья. Повесть и рассказы

«Издательские решения»

Трушкова О.

От истока до устья. Повесть и рассказы / О. Трушкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835010-8

«От истока до устья» — это судьба нескольких поколений одного рода, исток которого в Сибири дан их прадедом, политическим ссыльным Владимиром Громовым. Реальные события прошлого тесно переплетаются с происходящим сегодня.

ISBN 978-5-44-835010-8

© Трушкова О.
© Издательские решения

Содержание

«Жизнь – росстани, перепутья…» 6
От истока до устья 7
Часть первая 7
Пролог 7
Глава 1 9
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 15
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 22
Глава 8 23
Глава 9 25
Глава 10 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

От истока до устья
Повесть и рассказы
Ольга Трушкова

© Ольга Трушкова, 2016

ISBN 978-5-4483-5010-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Жизнь – росстани, перепутья…»

Жизнь – росстани, перепутья…
Как тут не перепутать,
Налево ль идти, направо ль?
Кто бы меня направил
На правильный путь, на истинный,
На тот, который единственный…

Но мне самой ошибаться,
Но мне самой ушибаться.

Плутаю… плутаю… плутаю
Меж адом земным и раем.
Ведь очень легко, наверное,
Принять за благое скверное,
За искреннее – притворное,
За чистое – слизь тлетворную.

Самой выбирать мне дадено,
Жить честным или украденным,
Жить правдою иль лицемерием,
Верою жить иль неверием,

И что же считать потерей,
В какие стучаться двери,
Мчаться ль бездумно к пропасти,
Иль раболепствовать в кротости.

Жизнь – росстани, перепутья…
Как тут не перепутать,
Налево ль идти, направо ль?
Никто меня не направит
На правильный путь, на истинный,
На тот, который единственный…

Ольга Трушкова,
июль, 2016.

От истока до устья
Повесть

Часть первая

Пролог

Когда появились Громовы в селе Преображенском, этого не помнят даже старожилы. Только от поколения к поколению переходит сказание, что в одну из студёных зим привёз в их село жандарм молодого статного мужчину городского вида и весьма приятной наружности и определил на постой к пожилой бездетной паре Евменовых. Ничего более, что мужчину зовут Владимиром Громовым и он преступник, жандарм им не сказал.

Сельчане долго гадали, из каких преступников будет этот Владимир? На разбойника с большой дороги не похож. На грабителя лавок и прочих торговых заведений – тоже.

Может, убил кого? Да нет, какое там! Евмениха говорила, что когда она разделывала попавшегося в ловушку зайца, так постоялец при виде крови едва не потерял сознания.

Через месяц, когда тот же жандарм приехал проверить, на месте ли этот преступник, не сбежал ли, у него попытались выведать, в каких преступлениях был уличён теперь уже всеми уважаемый Владимир Викторович. Выяснили, что он политический. Страх-то какой! Замахивался на самого царя-батюшку!

Но странно, узнав такое о Громове, село успокоилось, потому что, как разъяснил своим односельчанам Евсей Евменов, преступников подобного рода в Сибири хоть пруд пруди, и люди они смирные. А что малость на голову слабые, так это всё от книжек.

Происходит постоялец из простого люда: прадед и дед были кузнецами, отец ещё смолоду уехал в Петербург да там и прижился, служил в каком-то богоугодном заведении, а сам Владимир Викторович учился в университете. На кого? Да какая разница, на кого? Главное, что он хороший человек и с политическими совсем не схож. Те-то все на вид плюгавенькие, хлипкие, пришибленные, а Громов росту приметного, в плечах широк, лицом приятен. В деда-кузнеца пошёл, однако.

Евсей Евменов постояльцем был весьма доволен. Долгими зимними вечерами он любил слушать рассказы образованного человека о разных странах и людях, там проживающих, о разных верованиях, которые религиями кличут, о диковинных животных и растениях. Правда, не всему верил Евсей и многое из услышанного считал выдумкой. Привирает постоялец, однако. Но что возьмёшь с того, кто на голову слаб?

В свою очередь, Евсей приспосабливал городского человека к жизни в тайге, посвящал в её тайны, знакомил с повадками зверей, учил «читать» их следы и иногда брал с собой на охоту.

Евмениха же привязалась к своему постояльцу, ровно к сыну. Даже женить его пыталась, только всё без толку. Узнав о безуспешных попытках доброй женщины, жители Преображенского единогласно решили: политический постоялец слабый не только на голову. Одним словом, совсем больной человек, хотя по виду и не скажешь. Только это ничуть не мешало им по-прежнему уважать его и где-то по-своему жалеть.

Но через два года оказалось, что тот диагноз, который второй, был ошибочным и Громов слабый только на голову, а со всем остальным у него очень даже полный порядок – к политическому преступнику Владимиру Викторовичу приехала жена. Она тоже из политических преступников, только её ссылка закончилась раньше ссылки мужа – видно, на царя-батюшку не замахивалась, просто чем-то напугала какого-нибудь князя или графа, вот её и сослали в Сибирь. Трусливые, однако, эти цари да князья с графьями, вряд ли кто из них на медведя пошёл бы с рогатиной. На картинках-то все они вон какие сановные и важные, здоровые, как сохатые, а на деле испугались уважительного, скромного Владимира Викторовича да тоненькой, худенькой девчонки с огромными синими глазами, которую и бабой-то не назовёшь.

В общем, если царь с приближенными к нему особами и прежде не пользовались никакой симпатией у жителей Преображенского, то теперь так и вовсе пали в их глазах. Зато политические преступники Громовы снискали у населения почёт и уважение.

Инна Петровна обучала сельскую ребятню чтению, письму и арифметике, а Владимир Викторович сделался завзятым охотником. Кроме всего прочего, супруги приловчились выращивать на суровой сибирской земле невиданные дотоле огурцы и помидоры. Правда, доходить помидорам до полной спелости приходилось в ящиках, но всё же это были те овощи, о которых в этом глухом селе даже и не слыхивали.

А потом у Громовых родился синеглазый и черноволосый Николка.

Но пришла беда – отворяй ворота. Пошёл Владимир Викторович промышлять соболя, а назад не воротился. То ли медведь его задрал, то ли он в тайге заплутал да и сгинул, то ли встретился с недобрым человеком, тоже преступником, но не политическим. Шибко убивалась Инна Петровна по Владимиру Викторовичу, чахла не по дням, а по часам и вконец истаяла. Уж как ни старалась травница Евмениха выходить болезную, всё тщетно. Через год после Владимира Викторовича не стало и Инны Петровны.

В село приехал урядник и некий чин из опекунского совета. Они хотели отвезти маленького Николку в приют, но Евмениха не отдавала мальчонку, и село в память о добрых людях решило растить сиротку всем миром.

Вот так в селе, расположившемся на берегу Быстринки в пятидесяти верстах от её истока, пробился новый родник, появился исток рода Громовых и влился в реку судеб преображенцев.

Так это было или несколько иначе, теперь уже никто сказать не может. Но стоят в Преображенском одним рядом пять добротных домов, а в каждом живёт по старику Громову с отче-

ством Николаевич. Братья родные. А за этими пятью домами тянется целая улица новых домов, и в этих домах селятся уже новые поколения Громовых.

На Радуницу все они собираются на сельском кладбище. Здесь могилы их отца Громова Николая Владимировича и матери Громовой Домны Филипповны. Не забывают внуки и правнуки могилу Громовой Инны Петровны. Вот только Евменовых нет на тихом сельском кладбище. Евсей так же, как и его постоялец, однажды не вернулся из тайги. А старая Евмениха утонула в реке Быстринке. И что её понесло туда в лихой час половодья, то одному Богу ведомо.

Пусть всем им будет царствие небесное. Хорошие были люди.

Глава 1

Не ходить бы тогда ему на горку, глядишь, и жил бы спокойно. Ан нет! Выманили его из тёплого дома Колька да Стёпка, братовья Неверовы, друзья его закадычные, и привели на погибель. Масленица, видите ли! Вся молодёжь веселится, а он в отшельники записался! Да никуда он не записывался. Ладно, согласен. Пойдёт и он повеселиться.

Надел полушубок, обул пимы, шапку лисью натянул на свои кудри и отправился с друзьями туда, где, по их словам, вся молодёжь потешается.

Вроде, как и запрещены Советской властью подобные гулянья, но Сибири закон как бы и не писан, здесь по-прежнему и Пасху празднуют, и Рождество, и Троицу. Ох, не раз потом припомнится ему эта Масленица! Но это потом, а сейчас – гуляй, парень, веселись сам и весели честной народ, удивляй всех, показывай ловкость да удаль свою молодецкую!

Всё показал, будто бес в него вселился. В состязаниях на крепость рук приз взял, камень метнул дальше всех, канат перетянул. Даже на столб умудрился залезть, озорник этакий! Всех удивил, да так, что люди потом неделю ахали да удивлялись – он ли это был, тихий, застенчивый Васятка Громов, сын Ильи Тарасовича, аль кто другой в его обличье?

А всему виною Тонька Прилагина, его одноклассница по начальной школе. Теперь-то она не Тонька, а Антонина. Комсомолка. Семилетку окончила в уездном городе и ещё какие-то курсы по политическому просвещению, работала где-то в библиотеке. Вернулась Тонька, то есть Антонина, в Преображенское в качестве заведующей избой-читальней, да ещё ей поручено создать в селе комсомольскую ячейку.

Василий Тоню поначалу-то даже и не признал – они ведь не соседи, далеко друг друга строились дома Громовых и Прилагиных. Он её лет пять, наверное, не видел, где тут признаешь, коль помнит-то её шмакодявкой. А тут стоит себе девушка городского покроя в платочке явно не домашней вязки, а из-под него золотистые кудряшки торчат в разные стороны. Новые катанки именно её размера – не матушкины, не батюшкины. Правда, шубейка старая, потёртая. Не глянулась девушка Василию поначалу-то, мимо прошёл.

А как прокатился с ней с горки на санях раз, потом другой, так и пошёл наш тихоня куролесить, чтобы привлечь внимание Тоньки, то есть теперь уже Антонины. Наутро даже самому совестно стало. Зачем было из себя выпрыгивать, если она сама, оказывается, братьев Неверовых за ним откомандировала? Конспираторша фигова! Забыла, видно, что в селе тайн не бывает. Братья всё Василию на следующий день и выложили. По секрету, разумеется. А как ещё?

Обиделся он на них. Друзья, называется! Сразу не могли сказать, кому он на празднике понадобился.

Поначалу-то Василий подумал, что он Тоньке нужен как потенциальный член комсомола, но потом покумекал и пришёл к выводу: здесь что-то другое. А что именно, понял лишь тогда, когда сам в неё по самые уши влюбился. Произошло это в следующую субботу, на танцах, куда

его опять друзья затащили. Правда, затащили – это громко сказано. Упирался-то он только для виду.

Танцы были в разгаре. В углу сидел то ли брат Антонины, то ли сват и наяривал на двухрядке – родни-то у неё не перечесть, и все там либо балалаечники, либо гармонисты. Тонька поначалу стояла у окна, скромненько так стояла, беленьким платочком обмахивалась. А как только Василий, склонив голову, чтобы не удариться о притолоку, вошёл в зал, крикнула то ли брату, то ли свату: «А ну, давай плясовую!» И так пошла кренделя ногами выписывать, что у Василия дыханье перехватило.. А Тонька глазами в него стреляет, как из двуствольного ружья, да ещё и частушкой его по ушам, по ушам! Это чтобы он, вообще, не оклемался.

Через речку Быстринку
Я мосточек выстрою,
Буду к милому ходить,
Буду милого любить!

Куда через Быстринку-то ходить-то? Там ни одного милого не сыщешь, окромя медведя. По ту сторону речки тайга сплошной стеной встала.

Вот так у них всё и начиналось. В общем-то, хорошо начиналось. Так же, как и у всех, кому только-только двадцать годков минуло и кто верит, что завтра будет лучше, чем вчера.

Глава 2

Варвара вошла в сенник, сдвинула развешенные для сушки берёзовые веники ближе к снопикам лечебных трав и заблажила во весь голос:

– Васятка, вставай, окаянный! Вставай, кому я сказала?! Солнце уже к сараю подбирается, а он всё дрыхнет! Опять до третьих петухов с Тонькой валандался?

Она стянула с сына одеяло и жиганула по загорелым плечам скрученным в жгут полотенцем.

– Оженю паразита! Ей-ей, оженю гулёну непутёвую!

Василий сел на полатях, потряс курчавой головой и с хрустом потянулся.

– Не замай, матушка, я и сам скоро женюсь.

Варвара ахнула, бухнулась на приступок и слёзно заголосила:

– Неужто на Тоньке? На этой ледащей? Да она ж тебя голодом уморит, неумеха чёртова! Да у них вся родова такая, что не приведи Господь! Голытьба голытьбой! У них у всех руки из задницы растут, что у мужиков, что у баб!

– Я же не на всей родове Потехиных собираюсь жениться, а только на Тоне.

В его больших синих глазах, опушённых густыми и длинными ресницами, заплескалась улыбка, а в глубине – бесконечная любовь и жалость к матери. Ну, вот чего, спрашивается, она так переживает за какую-то там родню Тони? Да, это правда, что славу и её родня, и семья её нажили недобрую, но причём здесь Тоня?

«Оженю!» Знает Василий, кого она себе в снохи выбрала! Как бы не так! Не те времена нонече, чтобы родители детями командовали! Сам женюсь! Вот управимся со страдой – на Покрова сватов зашлём, там, глядишь, и свадебку сладим. А как перейдёт Тоня из родовы ледащих Потехиных в родову работящих и зажиточных Громовых, то станет бабой уже нашей родовы. И ежели чего не умеет она делать, так научится. Разве её вина, что родилась она в такой семье? Родителей не выбирают.

Он вышел на крыльцо, обвёл взглядом подворье. Привязанный к новой телеге Воронок степенно жевал свежескошенную траву. Вторая телега стояла под навесом, значит, Карька получил выходной и, стреноженный, пасётся на выгоне. Отец уже уехал на покос либо с Фёдором, либо с Иваном, а на гребь Василий, дед и девки поедут на Воронке.

Девками у Громовых называли всех невесток, снох, дочерей и внучек независимо от их возраста.

У входа в стайку суетились куры. Гуси важно прошествовали к специально выпиленной для них дыре в крепком заборе и направились к пруду лакомиться ряской. Хорошая птица, эти гуси: летом корма совсем не требуют, питаются травой, а для полного роста им два-три месяца хватает. Оставишь на зиму пару-тройку гусынь с гусаком к ним в придачу – к зиме получишь целый ларь нежнейшего мяса.

На нижней ступеньке высокого крыльца сидел семидесятипятилетний дед Тарас и вставлял в дёсны граблей недостающие зубья. Василий присел рядом. Заметив внука, дед прищурил в доброй усмешке свои чуть поблёкшие от времени, но всё ещё зоркие и по-молодому лукавые глаза.

– Что, паря, досталось тебе от матери?

Василий почесал затылок, взъерошил свои густые курчавые волосы цвета крыла ворона, сокрушённо покачал головой.

– Досталось, дед. И чем ей Тоня-то не по нраву?

– Ты, Васятка, на матерь-то шибко не серчай, она ить только добра тебе желает. А Тонька…

Дед пожевал губами, отставил в сторону починенные грабли и посмотрел в сторону соседней улицы, где жили Прилагины, а по-уличному Потехины.

– Время, нонеча, конешне, другое настало. Но ить в любые времена работать надобно, потому как трудом своим живёт человек и им же славится. А кто из Прилагиных трудом аль ремеслом каким славен был? Никто. Прадед Тоньки, не тем будь помянут, смолоду и до самого последнего своего часу только и знал, что на балалайке играть да народ частушками потешать, за то и был прозван Потехой. Дед её, мой годок, дальше пошёл. Он уже игре на гармонии обучился. Помню, придём на вечёрки, всё девки гужом перед ним скручиваются, а вот взамуж за него не кажна согласна была.

Глянулась ему Ефросинья, дочка Кузьмы Копылова, шибко глянулась! Глянулся ли он ёй, об том не ведаю, брехать не стану. Но взамуж пошла она за Свирида, за мельника, потому как он работный был, а не балаболка, не пустозвон с гармонией да с припевками.

– Так, может, Ефросинью за мельника того силком отдали? За богатство?

В голосе внука прозвучала насмешка.

– Силком, говоришь? За богатство?

Дед нахмурил седые брови, покачал головой.

– Нет, Василь, Сибирь-матушка – это тебе не Расея. Тут на волю никто ярма не набрасывал, и пойтить супротив её, то бишь воли той, даже думать не моги! Конешне, бывало, что матерь с отцом противились выбору сына аль дочки, так те всё одно по своему выбору женились и взамуж шли. Тебя тоже никто неволить не станет.

А про богатство ты, паря, зря так сказал. Оно ить только в сказках злато-серебро с неба падает да ишшо ленивым иванам-дуракам прямо в руки, а их работные и умные братовья при своих антиресах остаются. Богатство, паря, из мозолей зарождается и на них же возрастает. Всё держится на трудовых руках, а не на балалаечных струнах…

Дед Тарас опять взял в руки грабли, покрутил, оглядел их со всех сторон, будто проверил, ладна ли починка, и продолжил:

– А касаемо Тоньки ты, внучок, подумай. Крепенько подумай! Не рубаху нову выбирашь, а жену, то бишь супругу. Ить быть супругами – это быть в одной упряге, вдвоём один воз везти да ишшо не в разны стороны тянуть его, а в одну. Подумай, паря, будет ли Тонька супругой тебе, поможет ли воз везти, аль тебе одному доведётся тужиться? Да тужиться-то не час-другой, а целу жизню.

Он встал, отряхнулся от щепы, прислонил грабли к стене сеней и завершил разговор:

– Ладно, хватит лясы точить. Иди умывайся, завтракай да на гребь налаживайся. Погодка ноне суха стоит, только вот Илья-то не за горами. Управиться бы до его приходу, а не то сгноит он наше сенцо.

Вслед за дедом поднялся и Василий. Он лёгкой пружинистой походкой направился в дальний угол подворья, где стоял крепкий сруб колодца, зачерпнул ведро воды и вылил её на себя. А из избы с полотенцем в руках к нему уже поспешала бабка Параскева.

– Васятка, что ты делаешь, дурья твоя башка! Вода-то, чай, студёна, далёко ль до хвори? Ах ты, батюшки мои! Обтирайся скорее да за стол! Пока вы с дедом тут языками мололи, завтрак-то совсем простыл.

– Ничего, бабушка, мы и холодный съедим.

Растирая на ходу крепкое загорелое тело, парень направился к дому. Бабка Параскева семенила рядом и сетовала на то, что её любимый внук хоть и вымахал с версту коломенскую, а ума-разума не нажил. Видать, всё то, что ему было Богом отпущено, в рост ушло, на ум даже крохи не осталось. Весь в деда! Два метра красоты и ничего боле! Ишь, чего удумал-то? Это опосля сна да лёдяной водой себя ополаскивать!

И вдруг она резко сменила и тему, и тон:

– Давай, поспешай, внучек! Сённи-то денёк добрый выдастся, дожжа сённи не будет – трава шибко росна. А ить скоро занепогодит – мочи нет, как мои ноги ноют, всю ноченьку места им найти не можно было. Надо успеть убрать сено.

В избе пахло свежеиспечённым хлебом и пирогами. Наскоро позавтракав, Василий пошёл запрягать Воронка. Дед Тарас степенно вкушал чай и ожидал, когда сноха будет готова к выезду.

На широкой скамье у окна стояла собранная на покос сумка с обедом, а Варвара в который уж раз суетно пересматривала её содержимое. Вроде, ничего не забыла. Вроде, всё. Ой, а квас-то, квас! Она метнулась к двери, чтобы достать из погреба-ледника жбан с этим необходимым в жаркий июльский день напитком, но была остановлена свекровью:

– Квас в сенцах, я его уже приготовила.

– Ну, тогда всё. Ты, мама, тут за Жданкой досматривай, она вчерась ногу повредила, так я её на задах привязала. Пущай денёк-другой дома попасётся.

И озабоченно добавила:

– Только бы Звездочка свою матерь не надыбала да сосать не пристроилась

Щеки её рдели нездоровым румянцем, глаза лихорадочно блестели, а на лбу выступили капельки пота. Бабка Параскева внимательно посмотрела на сноху, подошла к ней, прикоснулась рукой ко лбу.

– Неча тебе, девка-мать, сённи на покосе делать, там и без тебя управятся. К дохтуру тебе надо, а не на луга. Просквозило, чай, вчерась тебя, вся горишь. Сейчас я отвар сготовлю.

Варвара отмахнулась.

– Да пустое! Просто малость притомилась, само пройдёт. Какой доктор?

Но свекровь была непреклонна.

– Вот то-то и оно, что до дохтура у нас, как до бога… прости меня, Господи, что всуе тя помянула! – она перекрестилась и прикрикнула на Варвару:

– Ложись под одеяло! Живо! И не перечь! Я сейчас за травками в сенник схожу. Дед, пошли, поможешь мне лестницу приставить.

Они вышла из избы.

– Она часом на покосе в воду не окуналась? – спросила бабка Параскева.

Дед Тарас пожал плечами.

– Так они третьего дня пополудни все в воде чуток побултыхались, когда Добрынинскую падь гребли, которая аккурат у самой Быстринки. Жарко же было.

– «Жарко же было», – передразнила его бабка Параскева. – Вода-то в Быстринке не теплее нашей колодезной! Нельзя Варваре застужаться, по-женски у ёй нелады. Сейчас-то она, навроде, только простуду подхватила, но вот почки её мне не нравятся. Под глазами мешки…

Дед Тарас виновато посмотрел на неё – не доглядел, старый пень, дозволил хворобе сноху на покосе подкараулить, будь оно неладно, это бултыханье в Быстринке!

– Может, фершала привезть? Так я Карьку запрягу и мигом его примчу, а Васятка пущай на гребь один с девками едет. Илья с сынами последнюю деляну выкосит, к ним переедут и зачнут зарод метать.

– Не надо фершала, – отмахнулась бабка Параскева. – Я все ейные болячки знаю как свои, не раз их врачевала. Ежели бы ране прознать про ваше купанье, я бы в тот же день попоила её отваром брусничника, ноготками распаренными подышать заставила да ими же и горло пополоскать, глядишь, легчей бы ёй было. То ладно, что хоть сегодня заприметила, что девке худо.

И крикнула внуку:

– Васятка! Заскочь в избу за тормозком, мать сённи дома останется.

Дед Тарас поправил свежую траву на телеге, умостился на передке и взял в руки вожжи.

– Но!

Воронок вынес телегу за ворота.

– Тпру!

Воронок остановился, поджидая следующей команды.

Василий закрыл ворота и легко бросил своё гибкое тело на телегу.

– Но!

Бабка Параскева осенила их всех: старика, внука, Воронка и телегу – троекратным крестным знамением.

– Ужо поезжайте с Богом!

Глава 3

Село казалось полупустым. Оно и понятно – все, от мала до велика, на покосах. Только стайки ребятишек проносятся по улицам да на крыльце сельсовета дымят самокрутками председатель Григорий Перегудов и секретарь Савелий Иванихин. Увидев Громовых, Григорий поприветствовал их взмахом руки, а Савелий спустился на ступеньку ниже, с подчёркнутым подобострастием поясно поклонился и ядовито-медово пропел:

– Доброго утречка, Тарас Николаевич! Доброго утречка, Василь Ильич! На гребь собрались?

– Доброе, – буркнул Василий. Дед Тарас кивнул в ответ и понужнул Воронка. Конь послушно прибавил ходу.

– Ну, счастливо вам! Гребите, гребите! Да поболе! Будет кого раскулачивать!

Понеслось им вслед напутствие секретаря вместе с его злорадным хохотом. Телега, оставив за собой лёгкое облачко пыли, свернула в проулок.

Григорий затушил самокрутку и резким щелчком отправил её в заросли лопуха.

– Ты бы, Савелий, не молол своим языком, чего не след. Кого это ты раскулачивать собрался? Громовых?

Он исподлобья взглянул на секретаря.

– А то кого же ещё? Директива колхоз организовать пришла? Пришла. Есть установка партии на то, что все должны в него вступить? Есть. Сказано, что зажиточных крестьян, не вступивших в него, нужно раскулачить и выслать к едрене-фене как классово чуждый и оченно зловредный алимент? Сказано.

– Про феню там ничего не написано, – криво улыбнулся Григорий. – А потом, почему ты решил, что Громовы именно этим элементом являются? Ты часом не забыл, что как раз они больше всех сдавали всего продукта, что нам по продналогу спускали? А сколько ты, Савелий, отваливал государству? Ноль без палочки?

Он прищурился и с насмешкой посмотрел на Савелия. Тот опешил, но тут же пришёл в себя.

– Я-то? А мне сдавать было нечего, я не мироед какой-то там, чтобы богатеть. Пока я в Гражданскую войну власть нашу народную защищал, Громовы тут овец, коров, коней да прочее скотство разводили.

– Громовы тоже не стояли в стороне от Гражданской. Егор, сын Кузьмы Николаевича, голову на Дальнем Востоке сложил. Да и Тарас Николаевич в той войне двух младших сынов потерял. С неё только один Илья воротился. И все они воевали за власть Советов!

– Зато старший сын Северьяна Громова у беляков служил. Жаль, домой не воротился, а то я бы его собственноручно прикончил.

– Прикончил бы, конечно, – недобро усмехнулся Григорий. – Но прикончил бы не по политическим убеждениям, а за Дарью, которая не за тебя, а за Петра замуж пошла.

– Ага, за Петра, – ухмыльнулся Савелий. – Пойтить-то она за него пошла, а теперь вдовствует. Вот вышлем её из села, как кулачку… Вместе со свёкрами и с Петькиным помётом!

Григорий осуждающе посмотрел на него, сплюнул под ноги и вошёл в распахнутую настежь дверь сельского совета. Савелий засунул руки в карманы обтрёпанных брюк, покачался взад-вперёд на носках давно не чищеных сапог.

«Защищаешь кулацкую сволочь, Григорий Степаныч, – подумал он. – Ну-ну! Поглядим, чем это для тебя обернётся!

А как он поглядел на меня, когда я сдуру ляпнул про то, что Петьку прикончил бы! Тут и про Дарью не забыл помянуть, пёс шелудивый! Неужто понял, что я тогда… на охоте…? Ведь жакан-то мой тогда куда-то бесследно исчез. Куда?

А вдруг он знает и о том, что произошло в Малой Елани в сентябре девятнадцатого? Да нет, откуда! Свидетелей-то не осталось.

Конечно, нет… Конечно, про Малую Елань Гришка не знает, он просто не может знать…».

Действительно, Григорий Перегудов ничего не знал ни про Малую Елань, ни что там произошло в памятном для Савелия сентябре девятнадцатого.

Глава 4

А ведь, казалось бы, совсем недавно Савелий Иванихин и Петька Громов были не разлей вода, будто ещё вчера бегали в ближайший лесок за грибами и ягодами, удили в Быстринке рыбу. Дядька Северьян, которого Савелий почитал за отца, научил их точить пилы, делать топорища, плести корзины, вырезать из берёзовых поленьев ложки, а из бересты мастерить туески и прочую посуду.

Но больше всего нравилось Савелию делать посуду из глины. Он быстро освоил премудрости работы на гончарном круге и сначала под присмотром Северьяна, а вскоре и самостоятельно производил на свет такие горшки, чашки, кружки и кринки, что сам учитель диву дивился способностям своего ученика. Правда, обжиг пареньку он ещё не доверял. Рано, говорил. И напрасно. У Савелия и обжиг получился бы хороший.

Потом все берестяные и глиняные изделия Северьян вёз на базар. На деньги, вырученные от продажи посуды Савелия, покупал и привозил Иванихиным то, что заказывала мать.

Никифор Иванихин, родной отец, домой редко наведывался, всё больше в городе околачивался. Чем он там промышлял, никто не ведал, но прошёл слух, что между первой и второй революциями посадили его в кутузку. Так и пропал папаша, ни слуху ни духу о нём по сию пору. Правда, теперь поговаривают, что посадили его за революционную деятельность, за правое дело, мол, пострадал. Но жители Преображенского имеют большое подозрение, что слухи о страдальце за народ сильно преувеличены и распускает их не кто иной, как его сынок Савелий.

Правду о Никифоре Иванихине знали только Северьян и Тарас Громовы.

В конце лета того самого междуреволюционного года Северьян поплыл на своей плоскодонке в уездный город на ярмарку продать мёд, посуду да запастись к зиме спичками, керосином, дробью, порохом и прочим необходимым. Торговля шла бойко, продукцию Громовых в уезде знали и ценили по достоинству. Вдруг мимо прилавка пробежал околоточный надзиратель Иван Степанович. Ну, пробежал и пробежал. Чего, казалось бы, удивительного? Не иначе, за каким-то лихоимцем гонится. Вороватого люда и в базарный день здесь полным-полно, а тут – ярмарка!

Северьян знаком с Иваном Степановичем, тот постоянно у него что-нибудь покупает. Вот и сегодня Северьян приготовил ему туесок мёду.

Вскоре околоточный опять появился. Нет, на сей раз он не бежал, а просто шёл. Под ручку с Никифором Иванихиным. Под другую ручку Никифора держал жандарм.

Подивился Северьян увиденному, попросил соседку по прилавку приглядеть за его товаром и поспешил за ними. А в участке-то и выяснилось, чем занимался Никифор Иванихин. Оказалось, что он с шайкой таких же, как сам, обворовывал квартиры и что двумя днями назад они совершили разбойный налёт на ломбард. Ладно бы, просто ломбард подчистили, а то ведь убили сторожа!

– Может, это ошибка? – с надеждой в голосе спросил Северьян. – Может, там кто-то другой был, не Никифор?

– Нет, не ошибка. Тех троих мы взяли по горячим следам, и они уже сделали признание. Это за Никифором Иванихиным пришлось два дня бегать, – ответил околоточный надзиратель.

Он отёр с одутловатого лица пот, тяжело вздохнул и устало спросил:

– Ты, Северьян Николаевич, что-то ещё хочешь узнать?

Тот, потрясённый услышанным, отрицательно покачал головой и вышел. Было такое ощущение, что это не Никифор Иванихин, а он, Северьян Громов, постоянно обворовывал чужие квартиры, а два дня назад ограбил ломбард и убил сторожа.

Об этом Северьян рассказал только старшему брату Тарасу. Вдвоём они решили никому ничего не говорить, не позорить перед народом ни в чём не повинную Анисью и её малых деток.

А Савелия с той поры стали опекать уже с двух сторон, чтобы не дать ему пойти по пути неразумного батюшки своего и не скатиться в пропасть.

Анисья Иванихина, тихая, забитая нуждой женщина, была бесконечно благодарна Громовым и за внимание к сыну, и за бескорыстную помощь. Не оставляли они немалое семейство Петькиного друга: то муки подкинут, то возок-другой дровишек привёзут. Они и мёдом угостят, и одежонкой ребятишек одарят, которая их детям маловата станет. А бабка Параскева врачевала всех Анисьиных деток вместе с ней самой и даже спасла маленькую Нюрку от глотошной. Разве могла бы Аксинья без Громовых с нуждой справиться, если кроме старшего Савелия в семье было ещё трое детей?

Но не ведали добрые люди, какую змею пригрели, и лишь когда выкормленная и выпестованная ими ядовитая гадина начнёт смертельно жалить их детей и сводить под корень род Громовых, тогда и раскроет Северьян тайну о Никаноре Иванихине,

Глава 5

Время шло. Подросли Савелий и его друг Петька, в тайгу стали ходить не только за грибами-ягодами, но и на охоту. Правда, они пока только петли на зайцев ставили да зазевавшуюся птицу с дерева выстрелом снимали. Но и это семье подмога, заяц и птица – тоже мясо, а из заячьих шкурок тётка Параскева шапки и рукавицы шила. Всем. И Громовым, и Иванихиным.

А однажды Громовы взяли Савелия с собой на шишкобой. Правда, колотом бить ему не дозволили, определили только упавшие шишки собирать. Но в кругу-то друзей можно и преувеличить свою значимость в этом деле. Кто ж проверит?

Ох, и много же они в ту осень орехов заготовили! Тогда-то впервые узнал Савелий, что кедровые орешки пригодны не только для баловства да чтобы девок угощать. Из них, оказывается, можно масло выжимать. Даже приспособление для этого имеется. А масло это не только для пищи пригодно, им многие болезни лечат. Бабка Параскева сулилась потом объяснить, какие из него лекарства получаются и как их делать.

Целый день крутили парни по очереди ручку старой «маслобойки», смастерил которую ещё Петькин прадед Владимир Громов, а вечером Савелий гордо вручил матери туесок драгоценного продукта.

Хорошо ребята дружили, друг за дружку горой стояли и были почти неразлучными. Если где-то в толпе увидишь густые смоляные кудри Петра, тут же найдёшь и рыжеватую шевелюру Савелия. Надо только глаза вниз опустить, Савелий-то на полголовы ниже будет. Да и статью жиже. Хотя тоже красив собой. Озорная белозубая улыбка не одну девку с ума свела. А ещё он, в отличие от немногословного Петра, невероятно речист. Может, и не прервалась бы их дружба, но…

Как вошли парни в юные года, начали на вечёрки шастать да на девчат пялиться. И надо же такому случиться, что вдвоём на одну и ту же уставились. Как будто ничего особенного в ней и не было, а вот манила этих парней Дарья, ровно огонёк в ночи. Хотя, по правде сказать, изъянов в ней тоже не наблюдалось. Ладная девка, осанистая, черноглазая, русая коса

толщиной в руку ниже пояса спускается. А уж какая озорная, какая плясунья да певунья! Впрочем, в Преображенском почти все девки ей под стать, но на других ни Пётр, ни Савелий даже глядеть не желали. Одна она нужна, причём сразу обоим.

Пётр-то, когда понял, что не только ему, но и Савелию Дарья поглянулась, так сразу в сторонку отошёл – не гоже другу дорогу переходить. Он уже и на Дарьину подружку стал поглядывать, даже до дома наладился её провожать. Только вот Дарья не захотела принимать ухаживаний Савелия, всё больше на Петра взгляды бросала. Так и провожались, Савелий с Дарьей и Пётр с её подружкой, благо дома девчат стояли через дорогу. Неделю ходили, наверное.

Но Петру не захотелось морочить девчонке голову, тем более, та уже вообразила себе невесть чего и, кажись, даже сватов начала ждать. В общем, перестал Пётр провожать Дарьину подругу.

Савелию тоже надоела неопределённость в отношениях со своей возлюбленной, вознамерился он поговорить с девушкой начистоту, заодно и замуж позвать, а в случае отказа взять её силой. «Не захочет по-хорошему, сделаю по-плохому, но своего добьюсь! – решил он. – После этого „по-плохому“ она сама за мной будет бегать и умолять, чтобы женился!»

Улица уже погрузилась в сон. Савелий проводил девушку до калитки и приступил к осуществлению задуманного.

Первый план, который «по-хорошему», с треском провалился – Дарья наотрез отказалась выйти за него замуж.

Савелий начал выполнять план второй, который «по-плохому». Он прижал девушку к забору и попытался сорвать с неё одежду. Она вырывалась, но почему-то не кричала и не звала на помощь. «Странно, – подумал Савелий. – Может, она только для виду сопротивляется?» Эта приятная мысль притупила его бдительность, и он ослабил хватку. Воспользовавшись удобным моментом, Дарья ловко нанесла парню удар в самое уязвимое место.

На душераздирающий вопль Савелия из дома выскочил брат Дарьи и, догадавшись, в чём дело, окончательно добил бедолагу. Нет, брат ударов не наносил. Брат просто ржал. Но ржал так, что на его ржанье откликнулась соседская кобыла, а сами соседи зажгли свет.

Дарья помогла Савелию распрямиться, поправила его парадный пиджак и, вздохнув, произнесла;

– Не ходи ты за мной больше, Христа ради прошу, не ходи! Ты хороший парень, но не люблю я тебя.

– А кого ты любишь? Петьку, что ль? – то ли спросил, то ли просто буркнул задетый за живое парень.

Девушка ничего не ответила, только ведь Савелию и так было известно, кто его соперник.

Отступиться бы ему от Дарьи, ан нет!

Вот если бы не было Петьки… Вот не было бы его в Преображенском…

Хотя, нет. Даже если Петьки не будет в селе, он всё равно где-то будет. А что это значит? А значит это одно: Дарья будет по-прежнему его любить.

Вот если бы Петьки вообще не стало!

Подумал и содрогнулся. Господи помилуй! Неужели я желаю другу смерти? Нет-нет! Грех!

Но эта мысль, как червь, всё глубже и глубже проникала в сознание Савелия. Она точила его, не давала ни есть, ни спать. В конце концов, парень убедил себя, что смерть друга явится благом и для Дарьи, которая сохнет по Петьке, и для Савелия, который сохнет по Дарье.

А вскоре и случай удобный представился.

Перед самой Филипповкой Пётр позвал Савелия пройтись до зимовья, проверить, не нужно ли чего там оставить, а заодно и петли разбросать на зайцев.

До зимовья добрались быстро. Спички, дрова, щепа и подвешенные к потолку мешочки с продуктами – всё было нетронутым. Двинулись дальше.

Савелий сделал вид, что поправляет крепление на лыжах, приотстал и, спрятавшись за густую ель, начал ловить Петра на мушку. Ружьё ходило ходуном в дрожащих от страха руках, он боялся убить, он никогда не стрелял в человека. Но ведь выстрелить в человека – это одно, и совсем другое – убить Петьку. Петька не человек, он соперник. Одно нажатие на курок, и Дарья твоя… твоя… твоя!

Господи! Как же трудно нажать на него!

– Эй, паря! Ты окаменел, что ли? И в кого целишься?

От неожиданности Савелий вздрогнул и нажал на курок. Пуля попала в берёзу и расщепила её напополам.

– Ого, с какими зарядами мы ходим! Не на медведя ли охотиться собираемся?

Савелий оглянулся. За его спиной стоял Григорий Перегудов.

– Са-а-в- к-а! – совсем близко раздался отчаянный крик Петра. – Ты где?

– Да здесь я, здесь…

Раскрасневшийся то ли от быстрого бега, то ли от внезапного волнения Пётр переводил тревожный взгляд с Савелия на Григория.

– Я сначала свежую лыжню справа увидел, потом силуэт. И тут – выстрел. Я за Савку так испужался, ажно руки затряслись, потому и тебя, Гриня, за деревьями не разглядел. Мало ли лихих людишек в наших местах бродит?

Пётр зачерпнул горсть снега и отёр потное лицо.

– А стрелял-то кто?

– Да я стрелял. Хотел прицел проверить, а тут откуда ни возьмись Гришка появился, – зачастил, подхихикивая сам себе, Савелий.

Григорий внимательно посмотрел на него и обратился к Петру:

– Петь, а у вас чем ружья-то заряжены?

– Как, чем? – удивился тот. – Дробью, конечно. Не на зверя же охотиться шли, чтобы пулями стволы забивать. А птичкам да зайчикам и пары дробин хватит.

– Ну-ну, – Григорий опять посмотрел на Савелия и сказал, обращаясь к Петру: – Будь осторожнее. Мало ли чего. Гляди в оба!

– Да ладно! – беспечно отмахнулся Пётр. – Впервой что ль нам по тайге хаживать?

– Впервой или не впервой, а гляди в оба, – настойчиво повторил Григорий. – Сам же сказал, мало ли лихих людишек в наших местах бродит? Правильно я говорю, Савелий? А?

Тот молча кивнул головой.

Когда Пётр и Савелий скрылись за густыми ветвями сосен, Григорий подошёл к поверженной берёзке и охотничьим ножом выковырял застрявший в ней жакан.

Нет, сегодня Савелий Иванихин шёл охотиться явно не на птичек и зайчиков.

Глава 6

Воронок давно уже изучил дорогу к покосам Громовых, поэтому вожжи были почти без надобностей. Лишь на развилках дорог дед Тарас чуть пошевеливал ими, направляя умное животное то вправо, то влево. А подгонять коня так и вовсе не требовалось, он знал свою работу и выполнял её на совесть.

Женщины лузгали семечки, Василий задумчиво жевал травинку пырея, и каждый думал о своём.

Глаша, жена Фёдора, старшего сына Ильи Тарасовича, прикидывала в уме, оставлять или нет в зиму Зорьку, дочку Марты. Продавать жалко, из неё хорошая коровка должна получиться. Но ещё жальче пускать под нож – Зорька была стельной. Конечно, лучше бы оставить, однако всё чаще и чаще звучит в их тихом селе пугающее всех слово «кулак». Что оно означает, Глаша толком не знает. Знает лишь, что «не кулак» – это лодырь без кола и двора, их в Сибири «февралями» кличут. Как-то странно получается. Раньше тот, кто работал от зари до зари, в почёте был, а теперь трудиться в поте лица и увеличивать своим же трудом нажитое – себе дороже.

Настя представляла, как она сегодня вечером скажет Ване о том, что, наконец, понесла и будущей весной у них народится долгожданное дитятко. Бабушка Параскева уже позволила ей сообщить эту благую весть, но только мужику. Остальным говорить ни-ни! Это чтобы, тьфу-тьфу, не сглазили.

Молодая женщина почти год ходила порожней, сильно переживала по этому поводу, даже до отчаяния доходила. Только увещевания бабки Параскевы, что так бывает, что придёт и Настин черёд стать матерью, вселяли надежду. И вот, наконец-то, Настя понесла. Правду сказывала бабушка, черёд пришёл.

– Дед, а ты любил, когда молодым был? – нарушил молчание Василий.

Дед Тарас искоса посмотрел на внука улыбающимися глазами.

– А я, Васятка, и по сённи люблю.

Василий едва не подавился травинкой. Ничего себе! Такой старый, а любит!

– Кого любишь-то? Бабушку Параскеву?

– Да вот всех вас и люблю.

– А бабушку? Ты что, до сих пор любишь бабушку? – не унимался настырный внук.

– Конешне, люблю. А как мне её не любить? Она моих сынов народила и всю мою жизню подпоркой была.

Василий представил, как маленькая бабушка Параскева подпирает почти двухметрового деда Тараса, и улыбнулся.

– Дед, а сколько живёт любовь?

Василия этот вопрос очень интересовал. Он знает, что она приходит, уходит, иногда задерживается

– По-всякому, Васятка. У кого-то – одну ночь, а у кого-то, как вот у меня, цельный век проживает.

Бедный дед Тарас! Любить цельный век – это уж слишком! Хотя с бабушкой Параскевой дед, наверное, не страдал. С такой любовью и Василий согласен весь век жить. Однако Тоня совсем не похожа на бабушку. Как с Тоней-то целый век жить? Ежели она уже сейчас каждую свиданку в комсомольское собрание превращает, то, ставши женой, всю их совместную жизнь сделает одним бесконечным политическим пленумом со всеми ихними дебатами и прочей пустопорожней болтовнёй.

Из-за бугра выплыли верхушки зародов. Воронок перешёл с мелкой рыси на ходьбу, преодолел возвышенность и дальше пошёл уже степенным шагом. Дед Тарас не торопил коня. «Успеем, – решил он. – Солнце до полудня ещё более часа будет добираться, да и роса сегодня обильная, пусть ветерок по рядкам подольше погуляет. Не дай бог сырой травинке в зарод попасть, весь зарод сгниёт!»

Меж тем Воронок втянул телегу в густую тень раскидистых берёз и остановился прямо у шалаша. Всё. Приехали.

Василий распряг коня, отвел его поближе к речной пади, стреножил и, ласково потрепав его холку, пустил кормиться. Вернувшись к телеге, он взял маленький топорик и пошёл в лесок готовить хворост для костра.

Настя схватила ведёрный чайник, побежала к Быстринке набрать воды, а по пути нарвать для послеобеденного чая листьев смородины и кипрея да заодно посмотреть, хорошо ли вызрела за эти дни малина. Ваня сказывал, что когда косили, зеленовата ещё была. Жаль, что косить сено Громовы девок не берут, только грести. Косить Настя умеет. Она до замужества завсегда отцу помогала. И мама косила. Но у Громовых иначе заведено.

Глаша внесла в шалаш сумки с едой, всё аккуратно разложила и накрыла чистым полотенцем. Глиняную кринку с молоком и жбан с квасом обложила сырой травой, чтобы подольше холод держали – день-то жарким быть обещает. Потом взяла в руки грабли и начала торопко сгребать в валки слежавшиеся сенные ряды.

– Не части так, – остановил её подошедший уже с граблями в руках дед Тарас, – умаешься ране сроку. Чай, и без спешки управимся.

А тут и Настя с Василием присоединились к ним. Работа шла дружно, споро, и спустя три-четыре часа сено уже дозревало в валках.

– Перекур, – объявил дед Тарас и первым направился к шалашу.

Настя весело рассмеялась.

– Дедушка, ты же не куришь.

– А пошто мне дымом нутро травить? Сам не курю и другим не велю.

– А я слыхивала, что в городе даже бабы курят. Врут, однако.

Дед Тарас неопределённо пожал плечами и промолчал. Видеть курящих баб ему пока не доводилось.

– Не врут, – вклинился в разговор Василий. – Я сам одну мадаму с папиросой в зубах видел, когда с батей в город плавал. Папироса длинная-длинная, в деревянную трубку вставлена.

– Фу, гадость какая, – брезгливо колыхнула крутым плечом Глаша. – Как таку безобразию ейный мужик терпит?

Поскольку про «ейного мужика» и про то, как он терпит «таку безобразию», Василий ничего не знал, то тема курения закрылась сама собой.

Первым делом развели костёр и подвесили над огнём чайник. А тут и Воронок заржал, мать свою почуяв. Вскоре на взгорке показались трудяга Ланюшка, телега и трое мужиков.

***

– Ну, помоги, Боже!

Перекрестившись, дед Тарас первым поднялся из-за импровизированного обеденного стола и взял в руки грабли. За ним поднялись все остальные. Ставить зарод – дело непростое, тут одной силы мало, без умения не обойтись. Но в роду Громовых сыновей этому искусству обучали едва ли не с пелёнок. Самое главное даже не сам зарод правильно поставить, а умело его завершить, чтобы он дождь не пропустил и в ураганный ветер выстоял. А иначе все труды насмарку, сгорит сено. Нет, не огнём – гнилью.

Как-то раз доверил Тарас несмышленым тогда ещё сынам своим самим остатки сена сложить, подробно объяснил, как это делается, а сам дома остался спиной маяться. Думал, что справятся. Не в зарод же складывать, а только в копну. Зароды-то уже поставлены.

Сложили ребятишки остатки сена. Пришли домой, бахвалятся, что копна получилась большая, возовая. С конский воз, то есть. Этого корове с телком на месяц хватает.

«Хорошо ль утаптывали?» – пытает их Тарас. – «Хорошо, батюшка», – отвечают. «Правильно ли вершили копну-то?» – «Да, вроде правильно». «А причесать её не забыли?» – «Причесали, как ты сказывал».

«Вот и ладненько. Слава Богу, до дождя управились».

Управиться-то управились, а вот ладненько не получилось. Прошёл дождь, а потом установилась жаркая погода. Когда Тарасу чуточку полегчало, пошёл он проверять зароды, а заодно и копну. Зароды-то холодные, а к копне даже руку прислонять не надо, не то что внутрь просовывать. Парит копна, как каменка в бане, когда на неё кипятку плеснёшь. Горит без всякого пламени. Он копну разворошил, разбросал сено по сторонам, а через два дня привёл своих ребят и начал учить их уже не на словах, а на деле.

С той поры не одна вода в Быстринке сменилась. Выросли сыны. Двоих уж и на белом свете нет, с Гражданской не воротились. Остатний сын Илья по сей поре не только отцом стал, но и дедом. Уже и внуки деда Тараса ставить зароды обучены.

Но помнит он ту копну, из которой потом только копёшка получилась, потому что много сена прелью покрылось и вон выброшено. Помнит это и каждый год едет ставить зароды… Пусть не сам он вершит, а только пристально наблюдает, не кренится ли зарод в какую-нибудь сторону и хорошо ли набивают и утаптывают его чрево, то есть середину. Пусть Тарас только словом правит, но всё спокойнее у него на душе, если он сам за этим проследит.

Сено собрали в копёшки, которые с помощью Воронка и его мамы Ланюшки волокушами стащили к месту будущего зарода. Началась самая ответственная часть работы. Братья метали сено, Глаша, Настя и Илья ровненько раскладывали его по длинному прямоугольнику и тщательно притаптывали.

– Иван, ты что, совсем свою половину не кормишь? – вонзая вилы в копёшку, засмеялся Фёдор. – Чем ей сено-то уминать? Своим бараньим весом?

– Зато ты свою Глафиру так раскормил, что Настин вес там без надобностев, – улыбнулся Иван и крикнул женщинам: – Вы, девоньки, почаще местами меняйтесь, а то зарод криво выведете.

Глаша и впрямь после вторых родов раздобрела, хотя и в девках была весьма справной. Красавицей её не назовёшь. Нескладная, сутулая, ростом чуть ли не с Фёдора, вся в веснушках от макушки до пят, будто под решетом загорала. В селе по сию пору дивуются, как это ей удалось такого парня захомутать? Фёдор-то вон какой баской! А вот, поди ж ты, взял за себя страхолюдину.

Самое интересное, что и Варвара тому не перечила, а бабка Параскева Глашу иначе, как наше Солнышко, не называет. За веснушки ли, которыми всё её лицо усыпано? За улыбку ли, от которой всё вокруг светлеет?

Многие считают, что Глашу в свою семью Громовы взяли только за то, что силы в ней не менее, чем у мужика. Для работы взяли. Кто-то бает, что без ворожеи тут не обошлось: опоили, мол, Фёдора водой наговоренной – и весь сказ! И невдомёк им, что любит Фёдор свою Глашу и не променяет её ни на какую раскрасавицу. Да и всё Громовы любят её за чистую душу, доброе сердце и покладистый характер.

Илья и Фёдор вершили зарод, дед Тарас его «причёсывал». Женщины подбирали упавшее сено, Василий с Иваном забрасывали остатки наверх.

– Всё, – крикнул Илья, – Васятка, кидай нам верёвку, мы слезаем.

– Берегись! Кидаю!

Василий раскрутил верёвку с привязанным к ней грузом и ловко забросил на зарод.

Солнце уже заходило за горизонт, когда Громовы, усталые, но довольные, возвращались домой.

Илья думал о том, что скоро надо рассчитываться по самообложению… что скоро придёт срок качать мёд, что…

Василий думал о предстоящем свидании с Тоней, и сердце его ёкало и замирало…

Дед Тарас общался с Богом.

«Спасибо тебе, Боже, за то, что даёшь мне силы и время полюбоваться на детей моих, внуков и правнуков! Спасибо тебе, Боже, за то, что все Громовы живут трудом своим и по совести! Слава тебе, Боже…»

Он никогда ничего у Него не просил. Он всегда только благодарил Его и славил.

На телеге Ивана тоже царило молчание. Конём правила Глаша, а Фёдор, привалившись к её мягкому плечу, слегка подрёмывал.

Иван искоса посматривал на непривычно молчаливую сегодня Настю и нешуточно тревожился. « Вялая, бледная, круги под глазами. Что это с ней? А как её вчера, после ужина, над ведром наизнанку выворачивало! Неужели отравилась солёными ельцами? Вообще-то, от них её никогда не рвало».

Мысль о том, что его Настя отравилась да ещё неизвестно чем, повергла Ивана в неописуемый ужас. По спине холодными каплями потёк пот.

Нет-нет! Только не это!

Глава 7

Настя прошла в горницу и с таинственным видом поманила к себе мужа.

Он вошёл.

– Вань, я тебе чего сказать-то хочу…

Она подняла на мужа свои зеленовато-серые чуть раскосые глаза и тут же смущённо потупилась.

– Говори.

– Меня утром опять стошнило, как вчерась.

Иван испугался.

– Опять? Ты снова ельцов наелась? Сей же минут выкину их борову! Отравилась, поди?

Настя помотала головой.

– Нет, это не от них. Я сразу же к бабушке Параскеве побежала, всё ей обсказала, а она говорит, что я… это…

Настя опять стушевалась, покраснела до корней волос и стала теребить переброшенную на грудь косу.

– Что? Что тебе сказала бабушка? Она сказала, почему тебя тошнит и рвёт? Да говори же!

– Ну, меня рвёт, потому что я… того… понесла.

– Кого понесла?

Перепуганный Иван никак не мог сообразить, кого и куда понесла его жена и почему её от этого тошнит и рвёт.

– Бабушка не сказала, кого. Она говорит, что этого никто знать не может и даже говорить об том никому нельзя. А ещё она сказала, что когда понесут, то завсегда рыбу солёную едят… Вань, ты ельцов не выбрасывай, я их опять хочу… Бабушка мне огурцов обещалась…

От смущения Настя запуталась ещё больше и ещё больше напугала Ивана. Он посмотрел на жену тревожно и жалостливо. «Перегрелась на солнце, наверное, вот и мелет чего ни попадя».

– Настюша, ты бы прилегла, отдохнула.

Она шмыгнула носом и со слезой в голосе прошептала:

– Я думала, что ты будешь радоваться, а ты…

Глаза её наполнились слезами.

Иван растерялся. Он обнял жену, погладил по голове.

– Не плачь, моя хорошая. Я радуюсь, я очень-очень радуюсь!

Потом осторожно спросил:

– А радоваться-то я чему должон?

Настя не расслышала его вопроса, потому что в это время прыгала вокруг мужа, хлопала в ладоши и кричала во весь голос:

– Я так и знала, что ты обрадуешься! Я ещё на греби хотела тебе сказать об том! Бабушка Параскева мне велела никому не говорить, только тебе. И ты молчи! Не дай бог, кто сглазит, что я… того… понесла…

Опять двадцать пять! Иван уже хотел бежать за бабушкой Параскевой, но Настя бросилась ему на шею и шёпотом спросила:

– Вань, а ты кого хочешь, дочку или сына?

– Настенька, родненькая моя! Чего же ты молчала об том, что понесла?

Бабка Параскева поставила на обеденный стол большую чашку солёных огурцов и вышла из избы. «Дети ещё совсем, какие же они ещё дети, – думала она по дороге домой. – Да и то сказать, Ванятке-то всего двадцать третий годок идёт, а Настюше и того менее. Храни их Господь!»

Глава 8

Они сидели на поваленном дереве у самой воды Быстринки.

– Васятка, а ты почему не хочешь вступать в комсомол? – спросила Тоня.

– Потому что я несознательный, – по привычке отшутился Василий и взмолился: – Тоня! Ну, давай об чём-нибудь другом поговорим! Ей-богу, надоела эта песня. Скучно же одно по одному. Каждый раз, когда мы с тобой встречаемся, ты меня об этом спрашиваешь. Неровен час, поругаемся.

– Ты и впрямь несознательный, – вздохнула девушка.

– Ага, – радостно воскликнул парень и обнял её. – А я об чём?

Он очень надеялся, что уж теперь-то тема вступления Громова Василия Ильича в ряды передовой молодёжи должна закрыться раз и навсегда – Тоня и сама, наконец, поняла, что Василию там не место. Но не тут-то было!

Тоня резким движением отвела его руки и строго спросила:

– Ты, Василий, хоть понимаешь, в какое время живёшь и чем комсомолец отличается от других своих ровесников, которые не комсомольцы?

Время, как время, подумал он и, тяжело вздохнув, приготовился слушать очередную лекцию о том, как тяжело приходится сознательным комсомольцам, которые силком тянут в светлое будущее его, отсталого и несознательного. Прослушал. Но так и не понял, чем он,

несознательный, хуже сознательного Саньки Першина, который даже картошку матери копать не помогает, а только расклеивает никому не нужные плакаты, горланит про какой-то мировой пожар, который они раздуют на горе всем буржуям и поёт «Наш паровоз, вперёд лети, в коммуне остановка!»?

Интересно, что представляет собой эта самая коммуна, где остановится Санькин паровоз? Не то ли самое, что было у них несколько лет назад, когда объединились бедняки с несколькими середняками? Громовых тоже агитировали, да те никак не могли решить, вступать или нет. А пока Громовы колебались, коммунары всё до последней косы пропили, сожрали почти весь скот, а по вечерам вдохновенно и очень громко про тот же самый паровоз горланили. Только, видать, они свою коммуну неправильно построили, если ихний паровоз не только не остановился в той коммуне, а ещё и скоростей прибавил, когда мимо мчался.

– Вот скажи мне, сознательная Антонина, а ты сама-то как представляешь это самое светлое будущее? Чем сегодняшний день хуже того, что будет завтра?

– В будущем, Вася, всё будет по-другому. Мы будем жить единым обществом, сообща трудиться и поровну делить плоды своего труда.

Василий от негодования аж подскочил на дереве и едва не свалился в речку.

– Это что, я должон буду работать в паре Санькой Першиным? Да ни в жизть! Он же первейший лодырь у нас в селе! Получается, я буду за двоих пахать, а половину урожаю этому бездельнику ссыпать?

Вот создали в сельсовете комитет бедноты, отобрали у нас, у Громовых, половину пахотной земли, столько же покосной и отдали её беднякам. И что? Бурьяном заросла наша земля! Когда я еду мимо того, что отобрали, так чуть не плачу. Не оттого я чуть не плачу, что земля теперь не наша, а оттого, что нет у ей теперь хозяина.

Разве для того мой прадед Николай со своими пятерыми сынами пни корчевали, целик распахивали, чтобы какие-то саньки першины эту землю опять тайге отдали? Легко ли теперь деду Тарасу, деду Северьяну и их трём братовьям видеть, как теперь над их землёй какие-то «феврали» изгаляются? Вот мой батюшка у тебя газеты берёт, там сейчас много про колхозы пишут…

– Ты тоже читаешь газеты? – удивилась Тоня.

Василий улыбнулся и развёл руками.

– И книги тоже. Как видишь, не такой уж я и тёмный.

– А если так, то разве ты не читал о «Земельном кодексе РСФСР», который приняли ещё в октябре двадцать второго года? – удивилась Тоня.

– Да читал, читал, – махнул рукой Василий.

– Тогда ты должен знать, что с этого момента началась национализация земли. Кодекс раз и навсегда отменил право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах РСФСР. Теперь земля стала государственная. И нечего скулить, что вам землю урезали. Радуйтесь, что не всю забрали.

– Лихо вы народ провели! – восхитился Василий. – В октябре семнадцатого завлекли крестьян лозунгом «Земля – крестьянам!», а теперь на попятную? Да что там, на попятную! Вы ить дальше идёте, вы ить хотите всех в одну кучу согнать и заставить совестливых тружеников работать не только на себя, но ещё и на лодырей, вроде Саньки аль твово дядьки Игната! Да в гробу я видал то светлое будущее, какое вы для меня строите!

– Вася, задача комсомола и партии как раз и состоит в том, чтобы проводить среди несознательных масс разъяснительную работу, воспитать нового человека, сознательного, – терпеливо объясняла Тоня этому упрямому парню прописные истины. – Этот человек будет пони-

мать суть общественного труда, он не будет отлынивать от работы. Да он просто не сможет без неё! Мы действуем силой убеждения.

– Ой, не могу! – захохотал Василий и задрыгал ногами. – Это лодырь-то не сможет без работы? Это Санька не будет отлынивать от труда, если я среди него проведу разъяснительную работу? Да ему даже возле своего дома забор поправить лень!

Потом он перестал смеяться и грустно посмотрел на девушку.

– Вроде и умная ты, и семилетку закончила, и курсы, а такую чушь несёшь, что слушать тошно. Мой дед Тарас говорит, что желание трудиться уже в чреве матери человеку должно быть заложено и примером родителей закрепляется. А коль нет этого, значит, из пустого чрева тот человек вышел и таким же пустым жизнь проживёт.

– Вася, ты пойми, что одной из наших задач как раз и является задача наполнить даже такого пустого человека, как Санька, новым содержанием.

– Ага, ты его уже наполнила, нашпиговала разными призывами да лозунгами, – фыркнул Василий. – Да ить вы, передовые и сознательные, все с голоду сдохнете в вашем светлом будущем, если мы, тёмные и отсталые, вас кормить не будем. Вот в газетах сейчас много про колхозы пишут, об объединении хозяйств. Ну, так объясни мне, зачем моему отцу объединяться с дядькой Игнатом? У нас крепкое хозяйство, а у него ничего, кроме кучи детей? Ах да, я забыл! Он же теперь при должности! Он председатель комитета бедноты!

Тоня вспылила:

– Собственники вы, Громовы! Ишь, объединяться они не желают! Да мы, может, вас вообще в колхоз не примем, даже если проситься будете!

Синие глаза Василия потемнели, сузились.

– Громовы никогда никому не навязывались! Поняла? И вообще, шагай в своё светлое будущее с Санькой Першиным, а я пошёл домой, в моё настоящее! – выпалил он и поднялся с бревна.

– Васятка, не обижайся! Это я сдуру такое ляпнула. Прости, пожалуйста…

Тоня смотрела на него так покаянно, так жалобно, что парень даже стал корить себя за резкость.

Он простил, проводил её домой и, уже засыпая на жестком топчане в сеннике, утешился мыслью: «Поженимся – вся блажь с неё мигом слетит. Вот тогда я посмотрю, захочет ли она обрабатывать ленивцев, делить с ними своё, заработанное потом и кровавыми мозолями. А уж когда дети народятся, то ей вообще будет не до просвещения тёмных масс. Ей и без масс будет кого воспитывать».

Глава 9

В заботах да хлопотах не заметили Громовы, как быстрокрылой птицей пролетело ласковое лето и так же незаметно отшуршала золотой листвой и отплакалась холодными дождями осень. На сибирскую землю пала долгая зима.

Дед Тарас взялся за починку старых валенок. Тихо в доме. А кому шуметь? Бабка Параскева с Варварой теребят овечью шерсть, Васятка убёг на свиданку, Илья ещё не воротился из той избы, читальня которая. Он кажинную неделю туда за газетами шастает, всё в «Правде» правду сыскать старается. Глупой, однако… почитай, полвека прожил, а никак в толк не возьмёт, что в газетах завсегда писали и писать будут только то, что власть продиктует.

Дед Тарас вздохнул, посокрушался неразумности старшего сына и принялся перебирать свои старческие думы.

Тишину нарушали только старые ходики, точнее, кукушка, оповещавшая о каждом прожитом часе. Куда ушло то счастливое время, когда дом был наполнен шумом и гамом, детвора туда-сюда сновала, как тот маятник на ходиках, а он, Тарас, стараясь быть строгим или хотя бы таким казаться, покрикивал на них? Где теперь оно, то невозвратное простое человеческое счастье?

Три дочки у Тараса с Праскевой. Старшие-то две в понизовье Быстринки замуж уплыли, своим хозяйством за мужиками живут. А Любаню, младшенькую, сельский учитель в город увёз и в гимназию определил – сказывал, что шибко до наук она сметлива.

И правда, к книгам она пристрастилась так, что за ними и жизнь разглядеть недосуг ей было. Вот поэтому да ещё по своему недомыслию она и с революционерами связалась. Сначала с теми, которые большевики, потом к каким-то социалистам переметнулась, через год опять к большевикам подалась. Поди разберись, какие из них правильные, а какие нет? Все, вроде, за народное счастье радеют. Верила глупая дщерь Тарасова всему написанному, как и брат её Илья сегодня газетам верит.

Тарас вздохнул. Вдруг вспомнилось, как Любаня приезжала на каникулы, рассказывала своей подружке Аннушке про учёбу в гимназии и читала ей разные стихи, до которых они обе охочи были. Тарас тоже любил слушать складно написанное, стихи то есть. Но стихи бывают разные: одни на душу песней ложатся, другие претят ей. Вот стихотворение про то, что Россию нельзя понять умом, а можно только в неё верить, Тарасу совсем не понравилось. Он твёрдо убеждён, что если чего-то нельзя понять умом, значит, над этим не стоит и думать. А безоглядно верить кому-то, чему-то или во что-то – это неправильно. Намудрил тот поэт. Он, должно, и сам не понял, чего написал.

Вот и Любаня тоже не раскинула тогда своей мозгой и едва себя не сгубила, слепо уверовав в разномастных революционеров. Хорошо, что ей человек умный попался, из рабочих, но не из тех, которые с пролетариями всех стран объединяться надумали, не из политических, а из нормальных рабочих. Он живо выбил из головы дочери Тараса дурь революционную, хозяйкой быть заставил и матерью. Кстати, хорошая из Любани хозяйка получилась, а мать – и того лучше. Слава богу, не успела она в метаниях промеж революционными учениями позабыть то, чему учила её мать Параскева.

Ещё дочка говорила о загадочной русской душе. А над этим Тарас так и вовсе посмеялся, потому что никакой загадки русская душа не представляет.

Что она мятежная – это верно. Мятежная и неразумная. Дурь русского человека завсегда поперёд ума бежит. Он сначала сотворит чего-то и только потом думает, что же это такое получилось, а главное, что теперь с этим делать? Но дабы перед иноземцами дураком не выглядеть, всё на душу-то и свалит, мол, это она повелела так сделать, да ещё и предлагает им помудрствовать над загадочностью своей глупости.

Хотя чего тут мудрствовать? Блажи да дури в русской душе завсегда с избытком, это всему миру ведомо. Так для кого она загадка? Только для нас самих, потому что мы и сами не знаем, какую пакость в следующий момент сотворим для России.

Революцию сотворили? Сотворили. Братоубийственную войну породили? Породили. А ради чего всё это? И белые, и красные воевали ради счастья народа. Но ить Тарас тоже народ, однако те умники, который организовали кровавую бойню, даже не полюбопытствовали, надо ли Тарасу такое счастье, за которое два его сыночка головы сложили? Да и самих его сыновей никто об том не спытал. Пришли красные, поставили в строй – и вперёд, за власть Советов! Выходит, воевали за Савелия, поскольку он теперь и есть власть Советов в Преоб-

раженском? За него, получается, сложили свои головы сыновья Тараса, молодые, ещё даже не женатые? За поганца этого, который измывается теперича над Громовыми за то, что Петра тоже в строй поставили, только уже белые? А ить те тоже не спрашивали согласия на то ни самого Петра, ни его отца Северьяна. Тогда в чём разница меж красными и белыми? А нет её, разницы-то. Совсем нет. И те и другие не за счастье народа воюют, а за свою власть над ним.

Три сына было у Тараса с Параскевой. И жили бы они рядышком с отцом-матерью, да не судьба…

В сенцах раздались тяжёлые шаги, открылась дверь, и в клубах морозного пара на пороге появился сын. Старший. Теперь уже единственный.

Старик смахнул непрошеную слезу и вернулся к прерванной работе.

Илья Тарасович подсел поближе к керосиновой лампе и развернул газету. Он прошелестел страницами, прочитал что-то и одобрительно качнул головой.

– Ты в голос читай, чего там «Правда» брешет, – попросил дед Тарас.

Он отрезал ножом дратву, отложил подшитый валенок и приготовился слушать.

– Да всё про коллективизацию. Партия собирается разослать по деревням двадцать пять тысяч рабочих, чтобы они, значит, колхозы организовывали и председательствовали в них.

Дед взял второй валенок, приложил к нему приготовленную заплатку, но тут же отложил в сторону.

– Антиресно получается! А что рабочий понимает в деревенском хозяйстве? Он же хлеб только в магазине видит, а рази ведает городской житель, как тот хлеб вырастить? Рази знает, когда землю пахать, какое зернышко в какое время и куда кинуть? Вот, к примеру, тебя, Илья, аль Васятку нашего на завод отправь директорствовать, будет ли ладно? Нет. Вы же тот завод в сей секунд развалите, потому что его в глаза не видели. Так и тут. Может, колхоз – это и ладно, миром завсегда работать веселей, только править колхозом всё одно крестьянин должон. Да и рази это колхоз, что у нас соорудили?

Дед Тарас был прав, созданное у них коллективное хозяйство было совсем не привлекательно для настоящего хозяина.

В начале зимы жителей села собрали в клуб. На повестке собрания стоял вопрос, быть или не быть в Преображенском колхозу. Вообще-то, никакого «не быть» быть не могло. Наверху уже приняли и утвердили решение о его создании. Дело за малым – согнать в одну кучу народ и обобществить скот. Первым взял слово секретарь райкома. Он долго, цветисто и очень нудно расписывал будущую счастливую колхозную жизнь. Потом дали слово Григорию Перегудову. Тот говорил коротко. Люди поняли – у них есть время подумать, вступать или нет. Перегудов дал право выбора. Но после выступления Савелия всем стало ясно, что вступать надо всем и немедленно, ибо промедление смерти подобно. Здесь же выбрали председателя будущего колхоза и даже придумали колхозу название, такое же цветистое, как речь товарища из района, но потом сменили его на менее броское.

Заявления о приёме в колхоз решили подавать секретарю сельсовета, потому что у председателя новорождённого коллективного хозяйства и без того будет дел невпроворот.

Бедняки вступали в колхоз охотно, им терять было нечего. Менее охотно, но и середняки потянулись туда же. Свели в одно место весь скот, свезли в одну кучу сено. Но хоть скота было не так уж и много, места под крышей хватило не всем – коровы и лошади стояли под открытым небом. Да и корма вволю недоставало. Денно и нощно пыл над селом отчаянный рёв озябших и голодных животных, не желающих принимать идей построения социалистического будущего,

ради которого их лишили привычных стаек, нормального пайка сена и тёплого пойла. Коровы и прочая животина требовали возврата к настоящему, то есть к прошлому, они хотели жить единолично – и баста!

Зажиточные селяне насторожились, и даже те, кто в своих колебаниях склонялся в сторону колхоза, резко отшатнулись назад.

Громовы тоже вели речи о колхозе. Прикидывали старики и так, и этак.

– Вот, если бы два колхоза организовать, – высказался по этому вопросу дед Северьян. – В один вступили бы люди работные, хозяйственные. Ну, а в другой пущай бы собирали всяких потехиных да воропаевых. Тогда я первый бы своё хозяйство на общий двор свёл, потому как знал бы, что моя скотинка будет накромлена да напоена. А то получится такая же коммуна, какая у нас уже была. Нет, я повременю.

– Я бы тоже повременил, да боюсь, что скоро раскулачивать будут, – Илья Тарасович тяжело вздохнул и опустил голову. – Лучше уж самому всё отдать, чем ждать, когда отберут да ещё и вышлют куда-нить.

– Куды нас высылать-то? В Сибири живём, – успокоил сына, а заодно и самого себя дед Тарас. – Это к нам со всей Расеи шлют. Не переживай, никто нас не тронет. Какие мы кулаки? Ты ж сам намедни в газете читал, что кулаки – это те, кто людей на работу нанимают да ишшо им не плотют. А рази мы кого нанимаем? Нет. Мы сами всю работу справляем. Не, мы не кулаки!

– Так-то оно так, – согласился с отцом Илья Тарасович. – Только уж больно Савелий супротив нас лютует. Одного не могу в толк взять: чем мы ему не угодны сделались?

***

Назавтра Илья Тарасович отнёс в сельсовет заявление с просьбой принять его и его сыновей со всем их хозяйством в колхоз. Савелий положил заявление в папку и велел ждать, когда власть и актив примут окончательное решение.

Илья Тарасович и его сыновья начали ждать. И дождались. В начале марта решение было принято.

Глава 10

Когда Тоня, младшая в многодетной семье Прилагиных, окончила начальную школу, бездетная тётка Татьяна забрала девчушку в город. Хоть и не хотела отдавать её матушка, да всё ж решилась – у сестры дочка хоть одета-обута будет, а там, глядишь, и в люди выйдет. Татьяна жила в достатке, её муж Гаврила Перетолчин служил при железной дороге и имел хорошее жалование. Хоть и не особо богато жили Перетолчины, но и не бедствовали.

Тоня звёзд с неба не хватала, с трудом одолела семилетку, а учиться дальше смысла не было. Она вступила в комсомол, увлеклась общественной работой, все поручения выполняла настолько добросовестно, что вскоре её заметили в райкоме и отправили на курсы политпросвещения. Вернувшись с курсов, политпросвещённая Тоня ринулась просвещать других, менее просвещённых. Да так рьяно ринулась, что райком решил выдвинуть её… куда подальше и послал туда, откуда она и пришла.

Так девушка оказалась заведующей избой-читальней в Преображенском и ликвидатором безграмотности – прежде всего, безграмотности политической. А по совместительству назначили её секретарём комсомольской ячейки. Той самой ячейки, которую ей поручили создать,

ибо в селе на тот момент не было ни одного комсомольца. Вообще-то, последнее по списку по факту являлось, пожалуй, первым и самым главным в её кипучей деятельности.

Василия девушка заприметила ещё до той памятной Масленицы, когда приезжала навестить своих родных. Правда, сам Василий тогда не обратил на неё никакого внимания. Зато теперь…

Одно плохо, что в нём собственнические интересы преобладают над общественными, не понимает парень текущего момента, отсталый в смысле политики. Но это не беда! Тоня сделает всё, чтобы вырвать Василия из сетей замшелого собственничества, воспитает достойного человека будущего социалистического общества. Конечно, придётся поработать, но работать она умеет.

***

В избе-читальне было тихо. Тоня готовилась к отчётно-выборному собранию, где ряды комсомольцев пополнятся ещё одним членом, а именно Василием Громовым. На собрание приедет инструктор райкома, надо не ударить в грязь лицом.

К сожалению, созданный ею ряд сознательных комсомольцев выглядит как-то убого, всего три человека, но это только начало. Вот и Васятка вступает, а уж как упрямился-то! Но понял, наконец, что только комсомол привёдёт его к светлому будущему. Понял, что именно в нём, в комсомоле, и в ней, в Тоне, его счастье. Вот и заявление написал, и сватов Громовы позавчера заслали. На Красную горку сыграем свадьбу, и будет Васятка в полном её распоряжении. А уж она все силы приложит, чтобы вывести его в люди. С Васяткиным умом да смекалкой можно и до первого секретаря райкома ли даже обкома дорасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.